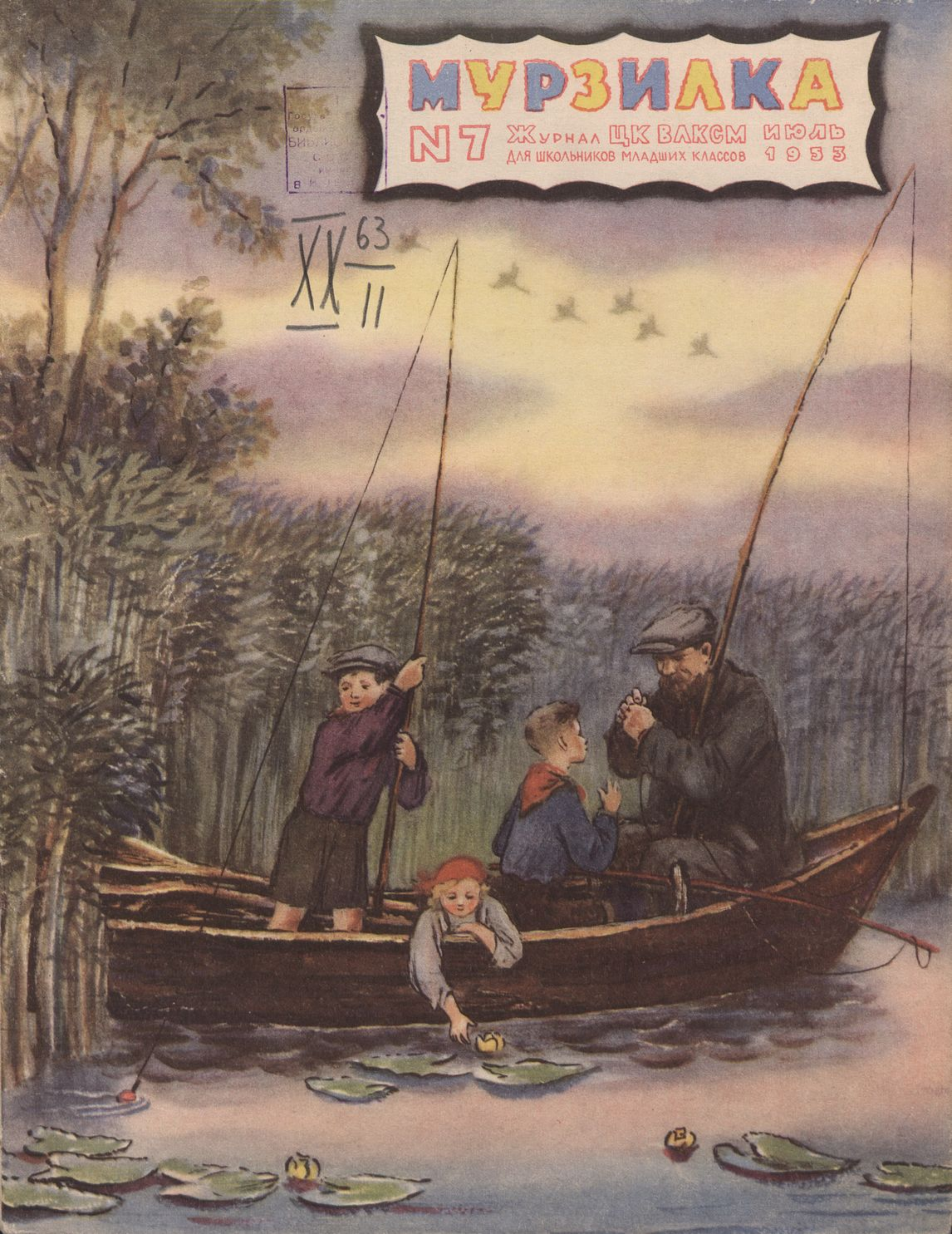

МУРЗИЛКА

№7 ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ ИЮЛЬ
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ 1953

Госиздат
Москва

XV 63
II

Аня и Алюдона

Я. ТАЙЦ

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

ПУТЁВКА

Аня никогда не видела моря. Она все свои семь лет прожила в Москве. Вдруг пришёл папа и сказал:

— Вот путёвка, поедешь с мамой к Балтийскому морю, в дом отдыха матери и ребёнка.

— Ой, папа, — обрадовалась Аня, — поедем с нами!

— Нет уж, поедете без меня! — сказал папа. — Только привезите мне что-нибудь! Ладно?

И вот Аня с мамой собрались и поехали. В вагоне Аня сидела у окна и, чуть где-нибудь блеснёт вода, спрашивала:

— Мама, мама, это не Балтийское море?

Наконец через двое суток поезд остановился на маленькой литовской станции. Аня с мамой пересели в большой синий автобус. Он их повёз к дому отдыха матери и ребёнка. Там нянечки в белых халатах встречали гостей.

— А где же все матери и все ребята? — спрашивала Аня.

— На пляже.

— Мама, пойдём скорей тоже на пляж.

Мама взяла полотенце, и они пошли. По дороге Аня спрашивала у прохожих:

— Скажите, пожалуйста, как нам поближе пройти к Балтийскому морю?

И прохожие вежливо отвечали:

— Прямо и направо, девочка, за дюнами...

ВОТ ОНО!

Аня с мамой пошли прямо и направо и вышли к дюнам. Это такие песчаные холмы. Вдруг послышался какой-то шум, как будто кто-то рядом стирает и то и дело выливает воду.

— Мама, кто это там стирает?

— Постой, — прислушалась мама, — да это же, наверное, море!

— Не может быть! — крикнула Аня.

Она стремглав бросилась к дюне, торопливо поднялась на самый гребень, выпрямилась и вдруг закричала:

— Мама! Вот оно! Скорей!

Перед нею открылся огромный простор. Сразу стало так далеко видно, что Ане показалось, будто глаза у неё расширились. Она видела серо-зелёную гладь, большую, как небо, — только небо наверху, а это внизу.

Аня кинулась с дюны, к этому лежащему на земле небу, крича на бегу:

— Мо-о-ре-е!.. Мо-о-речко-о!

Свежий ветер дул ей навстречу, и Ане казалось, будто она летит, — столько кругом было света, воздуха, простора...

Вот она добежала до самой воды. Серо-зелёная волна длинным мокрым языком

лизнула Аню в тапочку. Аня отдернула ногу. Тут подбежала мама.

— Ну что стала, дочка? Раздевайся быстрее, и пошли!

Держась за маму, Аня начала осторожно входить в воду:

— Ой, щекотно!.. Ой, холодно!..

Она всё ждала: когда же станет глубоко? Но сколько ни шли, всё было мелко — Ане по пояс. Она обрадовалась, запрыгала, закричала:

— Мама, мама, а почему сделали такое мелкое море?

Мама засмеялась и стала намыливать Аню новеньким детским мылом...

АЛЬДОНА

Балтийское море Ане понравилось. Она каждое утро прибегала на пляж. Там было много литовских ребят — и Пятрас, и Антанас, и Владас... Но Аня больше всего подружилась с Альдоной. Это была вы-

Аня рассказывала, а волны потихоньку подкрадывались к ним и подслушивали, подслушивали...

Но волны не всегда были такими тихими. Однажды они разыгрались не на шутку. Они с яростью кидались на берег, добирались до самых дюн, с шипением откатывались и опять набегали и опять откатывались...

Весь день они бушевали. А к утру стало тихо. Аня побежала на пляж. Море лежало такое спокойное, будто накануне ничего не было. А волны еле-еле плескались, точно им было стыдно за вчерашнее.

Вдруг Аня увидела Альдону. Она шла по пляжу вдоль воды и что-то искала.

— Альдона, что потеряла?

— Ничего.

— Как же так? Не потеряла, а ищешь?

— А я ищу, как его... гинтарас...

— Какой гинтарас?

— Ну... это такая бывшая смола...

сокая девочка, с длинными проворными руками и ногами. На груди у неё блестела огромная брошка.

Они с Аней часами лежали рядышком на пляже, и Альдона просила:

— А теперь про метро... А теперь про Красную площадь... А теперь про Кремль...

— Смола? Зачем же тебе смола?

— Да это раньше была смола, — засмеялась Альдона, — сто тысяч лет назад... А сейчас это будто камень... Вот...

Альдона отколола свою брошку и подала Ане. Это была толстенная жёлтая лепёшечка, как будто наполненная про-

зрачным мёдом. И в «меду» точно плавали две песчинки — одна побольше, другая поменьше. А сбоку на трёх малюсеньких гвоздиках держалась острая застёжка.

— Это янтарь, — сказала Аня.

— Ага. А по-литовски — гинтарас. Его только в нашем море можно найти.

— Прямо в море?! — удивилась Аня.

— Ну да... в воде или в водорослях... После шторма бывает...

Аня обрадовалась. Вот она что папе привезёт! Найдёт большую янтарину и увезёт в Москву.

— А можно, я тоже буду искать?

— Конечно.

И обе девочки — маленькая Аня и большая Альдона — принялись искать гинтарас...

ПОИСКИ

Весь день они бродили по пляжу и осматривали водоросли, которые тёмными мокрыми прядями лежали у самой воды. У Ани скоро заболела спина. Всё-таки она без конца нагибалась, перебирала водоросли и то и дело спрашивала:

— Альдона, нашла?

— Нет, а ты?

— Я тоже нет.

— Ничего, завтра найдём! — утешала Альдона. — Только надо всегда искать.

Но ни завтра, ни послезавтра, ни даже через три недели они подходящего янтаря не нашли.

Обидно было. Скоро уезжать, а подарка для папы всё нет. Аня сердилась на Балтийское море. Все ребята — и Владас, и Пятрас, и Антанас — помогали ей, рыскали по всему пляжу, но скупое Балтийское море, видно, не хотело им сделать маленького подарка.

Альдона предлагала Ане свою брошку на память, но Аня упрямо отказывалась:

— Нет... она старинная, редкая... и потом я хочу сама найти... в море... а так не интересно.

У ЗЕЛЁНОЙ СВАИ

И вот наступил день отъезда. Аня вышла прощаться с ребятами. Альдона отвела её в сторонку и сказала:

— Аня! Я знаю одно янтарное место.

— Где?

— У зелёной сваи.

— Ну... — махнула Аня рукой, — я там искала двадцать раз. Нет там ничего.

— Ты поищи... Надо всегда искать!

Аня побежала к зелёной свае, села на корточки и стала рыться в водорослях. Волны рядом плескались, будто приговаривали: «Не ищи, не ищи — не найдёшь». Но Аня упрямо перебирала мокрые стебли. Вдруг мелькнуло что-то жёлтенькое, что-то как будто золотое... Ага! Янтарь! Самый настоящий. И большой! Даже, пожалуй, побольше, чем у Альдоны.

Аня побежала к Альдоне.

— Вот, нашла, нашла! — кричала она. Но разглядывать находку некогда было: надо было спешить в дом отдыха.

Там Аню уже искала мама:

— Где ты пропадала? Садись скорей!

Аня села в машину. Автобус тронулся. Ребята побежали за ним:

— До свиданья, Аня! Приезжай ещё.

— До свиданья, Пятрас, до свиданья, Альдона, до свиданья, все! — кричала Аня и махала зажатым в кулаке янтарём.

И только когда сели в поезд и немного успокоились, Аня разжала вспотевший кулак и показала маме находку.

— Вот! — гордо сказала она. — Папе!

— Ого, какой большой! — сказала мама. — Где нашла?

— В море.

— В море? — удивилась мама. — А почему он такой гладенький?

— Это его море так отгладило.

— А почему здесь дырочки?

— Какие дырочки?

Аня схватила янтарь, поднесла к глазам и увидела три маленькие дырочки от трёх малюсеньких гвоздиков.

— Постой!

Она посмотрела на свет. Так и есть! В прозрачном янтарном меду как будто плавали две песчинки — одна побольше, другая поменьше.

— Мама, я знаю! — закричала Аня. — Это Альдона... Она нарочно свой янтарь подложила. Для меня! Для меня!..

Что было делать? Не останавливать же поезд. Так Аня и увезла в Москву янтарную лепёшечку на память о девочке Альдоне и мелком — Ане по пояс — Балтийском море...

МАЯКОВСКИЙ

В нашей большой стране нет человека, который не произносил бы с любовью и гордостью имя Владимира Владимировича Маяковского.

Замечательные стихи поэта напечатаны сейчас не только на русском языке, но и на языках многих народов мира.

Владимир Владимирович очень любил ребят, относился к ним с большим вниманием. Он с удовольствием приходил на пионерские сборы, праздники и вечера — читал стихи, шутил, отвечал на вопросы.

В газете «Пионерская правда» Владимир Владимирович напечатал много стихов и любил называть себя «деткором».

Он всегда заботился о том, чтобы для детей издавались хорошие, интересные книги. И сам написал книжки, которые вы все, конечно, читали и хорошо помните. Наш художник нарисовал их на этой странице.

Стихи Маяковского помогают нашим ребятам расти смелыми, трудолюбивыми, достойными звания гражданина Советского Союза.

В этом году, 19 июля, исполняется 60 лет со дня рождения великого советского поэта.

КЕМ БЫТЬ?

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

Рис. Ю. КОРОВИНА

У меня растут года —
будет мне семнадцать.
Где работать мне тогда,
чем заниматься?

Нужные работники —
столяры и плотники!
Сработать мебель мудрено:
сначала

мы берём бревно
и пилим доски,
длинные и плоские.
Эти доски

вот так
зажимает
стол-верстак.

От работы
пила
раскалилась добела.
Рубанок

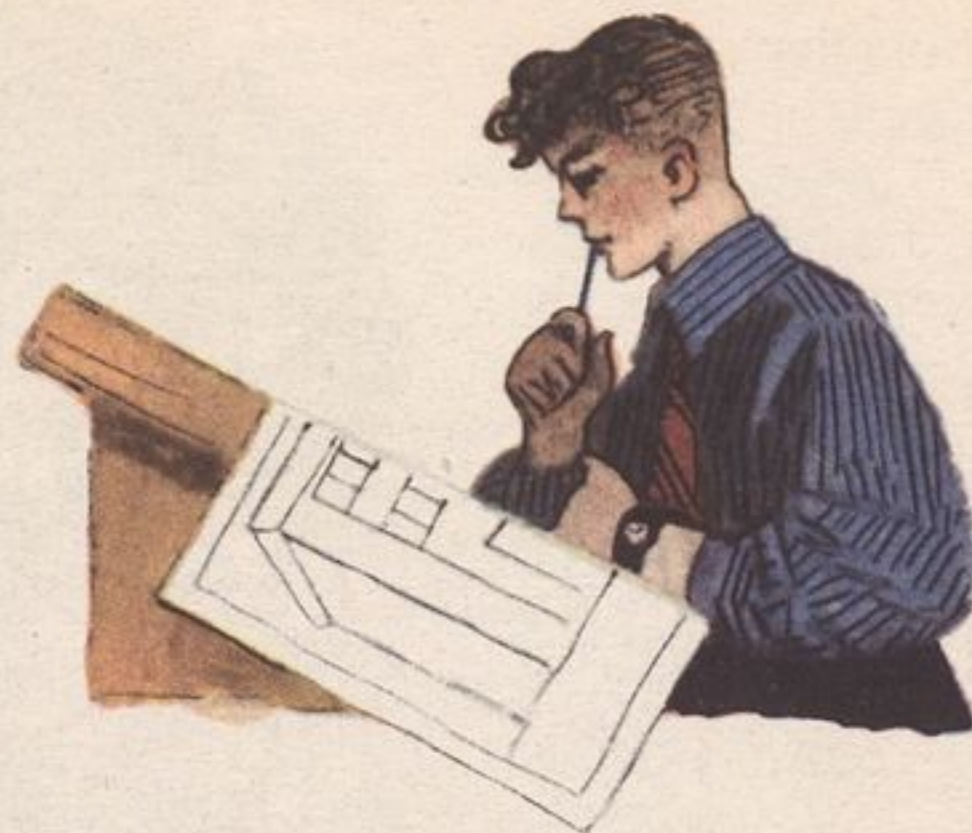
в руки —
работа другая:
сучки, закорюки
рубанком стругаем.
Хороши стружки,
жёлтые игрушки!
А если

нужен шар нам
круглый очень,
на станке токарном
круглое точим.
Готовим понемножку
то ящик,

то ножку.
Сделали вот столько
стульев и столиков!

Столяру хорошо,
а инженеру —

лучше.
Я бы строить дом пошёл —
пусть меня научат.

Я сначала
начерчу
дом такой,
какой хочу.
Самое главное,
чтоб было нарисовано
здание

славное,
живое словно.
Это будет

перёд —
называется фасад.
Это

каждый разберёт:
это — ванна,
это — сад.

План готов,
и вокруг
сто работ
на тыщу рук.

Упираются леса
в самые небеса.
Где трудна работка,
там

визжит лебёдка,
подымает балки,
будто палки,
перетащит кирпичи,
закалённые в печи.

По крыше выложили
жесть —
и дом готов,

и крыша есть.
Хороший дом,
большущий дом
на все четыре стороны,
и заживут ребята в нём
удобно и просторно.

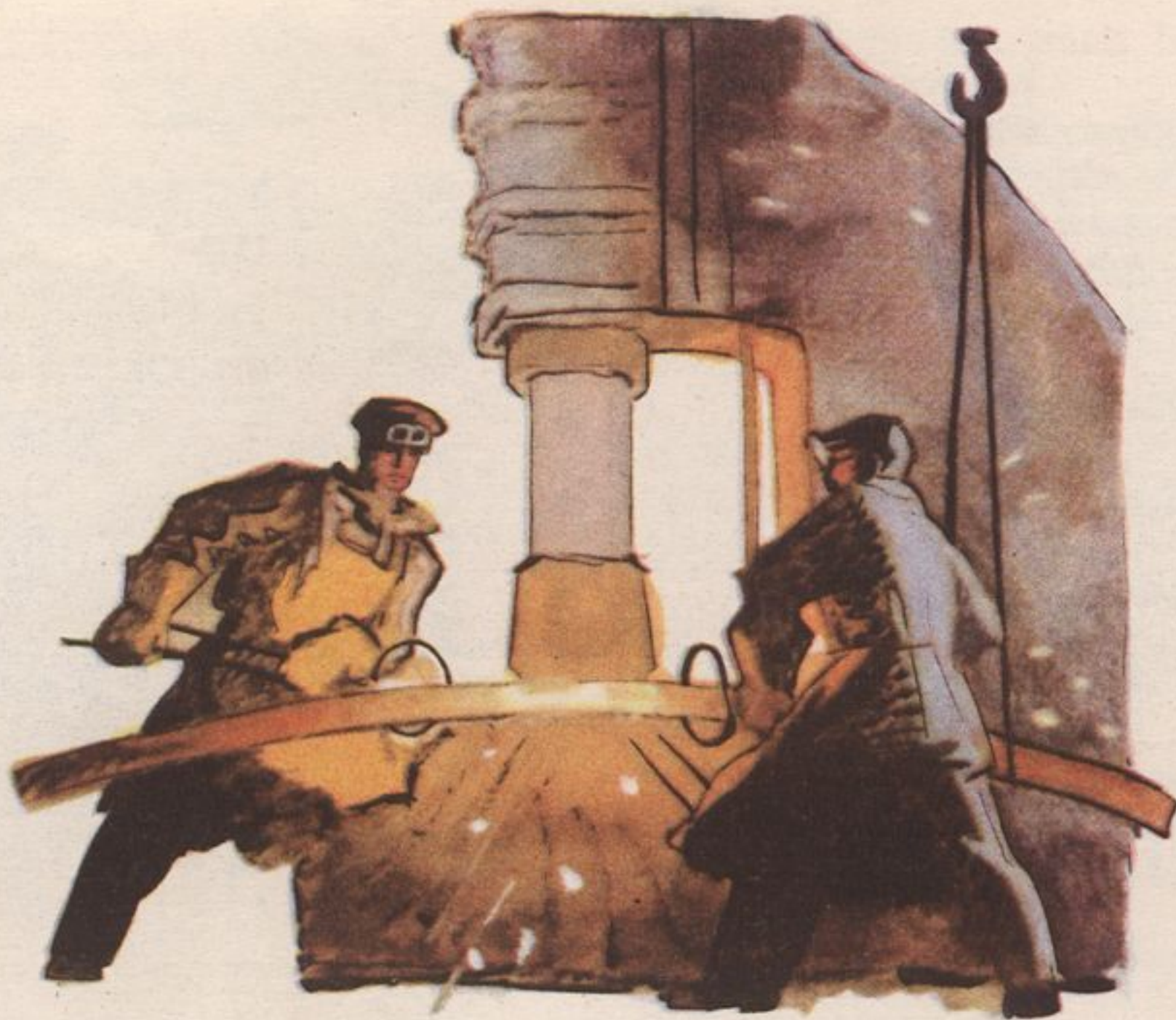
Инженеру хорошо,
а доктору —
лучше.
Я б детей лечить пошёл —
пусть меня научат.

Детям

я
лечу болезни, —
где занятие полезней!
Я приеду к Пете,
я приеду к Поле.
«Здравствуйте, дети!
Кто у вас болен?
Как живёте?
Как животик?»
Погляжу
из очков
кончики язычков.
«Поставьте этот градусник
подмышку, детишки!»
И ставят дети радостно
градусник подмышки.

«Вам бы
очень хорошо
проглотить порошок
и микстуру
ложечкой
пить понемножечку...
Вам
в постельку лечь
поспать бы...»

Вам —
компрессик на живот,
и тогда
у вас
до свадьбы
всё, конечно, заживёт».

Докторам хорошо,
а рабочим —
лучше.
Я б в рабочие пошёл —
пусть меня научат.

Вставай!
Иди!
Гудок зовёт,
и мы приходим на завод.
Народа — рота целая,
сто или двести.
Чего один не сделает —
сделаем вместе.
Можем

железо
ножницами резать,
краном висящим
тяжести тащим,
молот паровой
гнёт и рельсы травой.

Олово плавим,
машинами правим.
Работа всякого
нужна одинаково.
Я гайки делаю,
а ты
для гайки
делаешь винты.

И идёт
 работа всех
прямо в сборочный цех.
Болты,
лезьте
в дыры ровные,
части

 вместе
сбей
 огромные.

Там
 дым,
здесь
 гром.

Гро-
 мим
весь
 дом.

И вот
 вылазит паровоз,
чтоб вас
 и нас
 и нёс
 и вёз.

На заводе хорошо,
а в трамвае —
 лучше.

Я б кондуктором пошёл —
пусть меня научат.

Кондукторам
 езда везде —
с большою сумкой
 кожаной

ему всегда,
 ему весь день
в трамваях ездить можно.

«Большие и дети,
берите билетик!
Билеты разные,
бери любые,
зелёные,

 красные
и голубые!»
Ездим рельсами.
Окончилась рельса,
и слезли у леса мы —
садись
 и грейся.

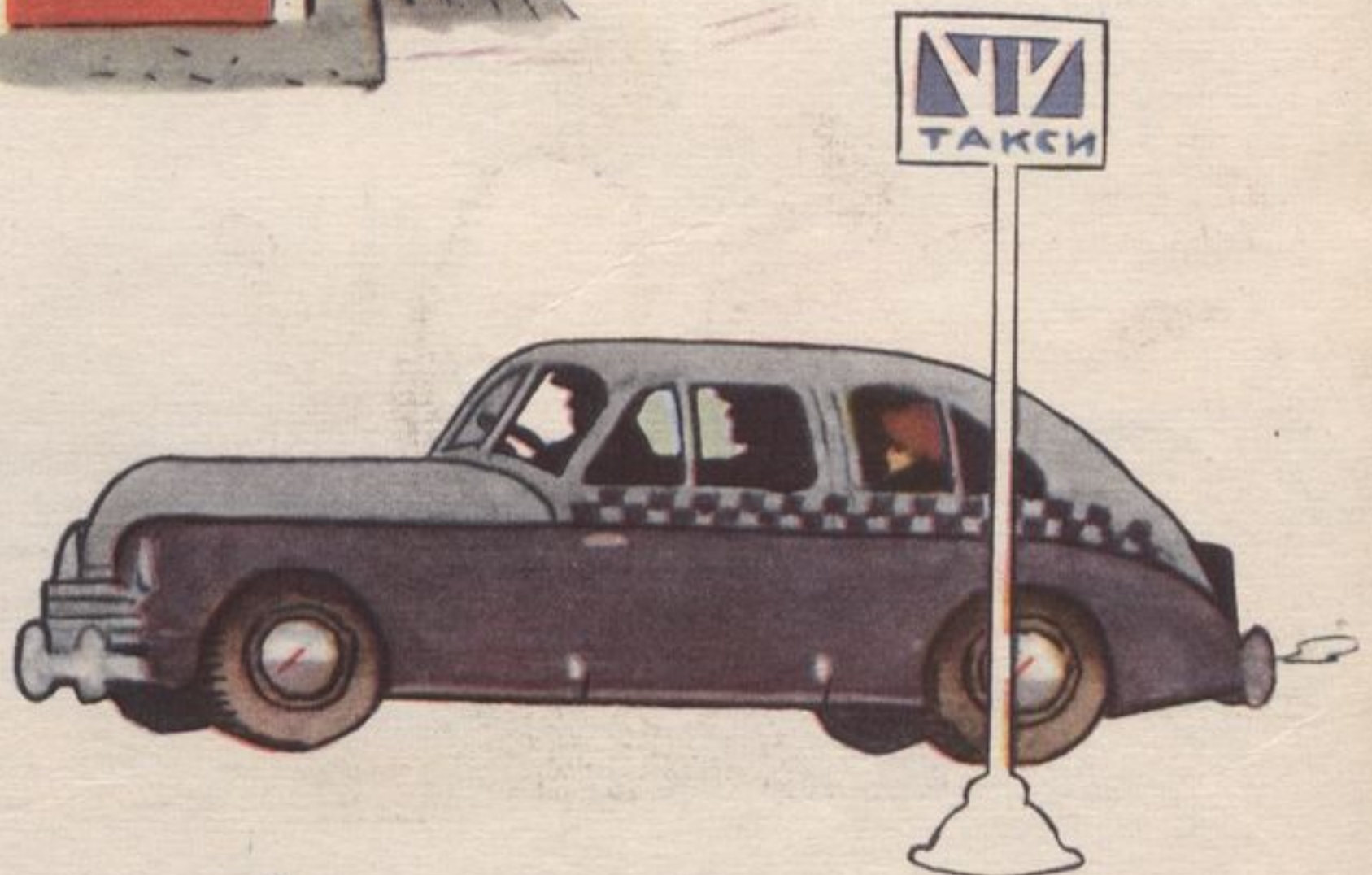

Кондукторам хорошо,
а шофёру —
 лучше.
Я б шофёром пошёл —
пусть меня научат.

Фырчит машина скорая,
летит скользя.
Хороший шофёр я —
сдержать нельзя.
Только скажите,
вам куда надо,
без рельсы

 жителей
доставлю на дом.
Е-

 дем,
ду-
 дим:
«С пу-
 ти
уй-
 ди!»

Быть шофёром хорошо,
а лётчиком —

лучше.

Я бы в лётчики пошёл —
пусть меня научат.

Наливаю в бак бензин,
завожу пропеллер.

«В небеса, мотор, вези,
чтоб взамен низин
рядом

птицы пели».

Бояться не надо
ни дождя,

ни града.

Облетаю тучку,
тучку-летучку.

Белой чайкой паря,
полетел за моря,

без разговору
пролетаю гору.

«Вези, мотор,

чтоб нас довёз

до звёзд

и до луны,

хотя луна

и масса звёзд

совсем удалены».

Лётчику хорошо,
а матросу —

лучше.

Я б в матросы пошёл —
пусть меня научат.

У меня на шапке лента,
на матроске —

якоря.

Я проплавал это лето,
океаны покоря.

Напрасно, волны,

скачете —

на зависть циркачу,

на реях и по мачте

гуляю, как хочу.

Сдавайся, ветер вьюжный,
сдавайся, буря скверная,—

открою

полюс

Южный,

а Северный —

наверное.

Книгу переверошив,
намотай себе на ус —

все работы хороши,
выбирай

на вкус!

Героический
орден ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА В В С Р
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

БЛИЗКИЙ ГОРОД

АНАТОЛИЙ АЛЕКСИН

Рис. А. ГОНЧАРОВА

Индийский мальчик Кришан сочинил песенку:

Немного ещё подрасту я —
И вдаль по дорогам пойду:
Свой низкий поклон отнесу я
В Караганду, в Караганду...

Кришан пел эту песенку всюду: и на крошечном рисовом поле, где тихонько булькала, словно подпевала ему, тёплая стоячая вода, и в кругу своих друзей — деревенских мальчишек, и в бедной камышовой хижине.

У Кришана и у его друзей были широкие смуглые лица, пухлые губы и курчавые волосы, каждый завиток которых напоминал маленький вопросительный знак.

Когда ребята впервые услышали песенку Кришана, маленькие вопросительные знаки появились и у них в глазах. Они не

знали, что такое «Караганда». Может быть, это название какой-нибудь диковинной птицы? Или, может быть, Кришан отыскал дерево, у которого такое красивое имя?

— Это город, — тихо сказал Кришан, — советский город...

— Наверно, очень далёкий, да? — спросил друг Кришана.

— Нет, это близкий город, очень близкий, — ответил Кришан и прижал руки к сердцу.

— А откуда ты знаешь о нём?

* * *

Это случилось год назад.

Знойное лето полыхало над индийской провинцией Мадрас. Солнце до дна выпило все реки — широкие и узкие, глубокие и мелкие. Беспощадные лучи, как жала,

впивались в листья и травы, высасывали все их соки — и растения умирали. Земля потрескалась, словно покрылась морщинами от горя. Горькими морщинами покрылись и лица людей.

Страшный гость — голод — заглянул в каждую бедную хижину, ни одной не обошёл. А вместе с ним пришли и его вечные спутницы — злые болезни...

Было так жарко, что птицы умирали в полёте от солнечного удара, а у маленькой сестры Кришана, шестилетней Лайли, зуб на зуб не попадал, точно ей было холодно.

— Ей нужно лекарство... и молоко... — шептала мать, склоняясь над больной девочкой.

И Кришан пошёл в город.

До города было недалеко, но путь казался ему бесконечным. Он брёл вдоль железной дороги. Там было прохладнее, потому что с двух сторон возвышались бамбуковые заросли.

Когда ноги Кришана случайно касались рельсов, мальчик громко вскрикивал: металл раскалился под солнцем и больно обжигал.

В большом городе Мадрасе у Кришана не было ни родных, ни знакомых. И денег у мальчика тоже не было. Кришану не к кому было обратиться, и потому он обращался ко всем.

— Мне нужно лекарство... Мне нужно молоко... Мне нужно лекарство, мне нужно молоко... — бесконечно повторял мальчик. Сначала он произносил эти слова с надеждой в голосе, потом с мольбой и, наконец, стал произносить их с самым безнадежным видом: — Мне нужно лекарство, мне нужно молоко...

Некоторые люди отворачивались, точно им было стыдно глядеть на Кришана, и, не останавливаясь, проходили мимо. Другие молча кивали на тротуар, на котором лежали и сидели голодающие: всем, мол, нужна помощь!

По улице прошёл сытый, толстый торговец с багровым лоснящимся лицом. Как странно было видеть его среди измождённых, похожих на скелеты женщин и детей!

— Какого ещё тебе молока? Может быть, птичьего?

— Какого угодно... Только дайте: у меня сестрёнка умирает...

От усталости Кришан даже не понял злой шутки. Он доверчиво побежал за толстяком. Но чья-то рука мягко легла на плечо мальчика и остановила его:

— Ты не в ту сторону побежал, мальчуган!

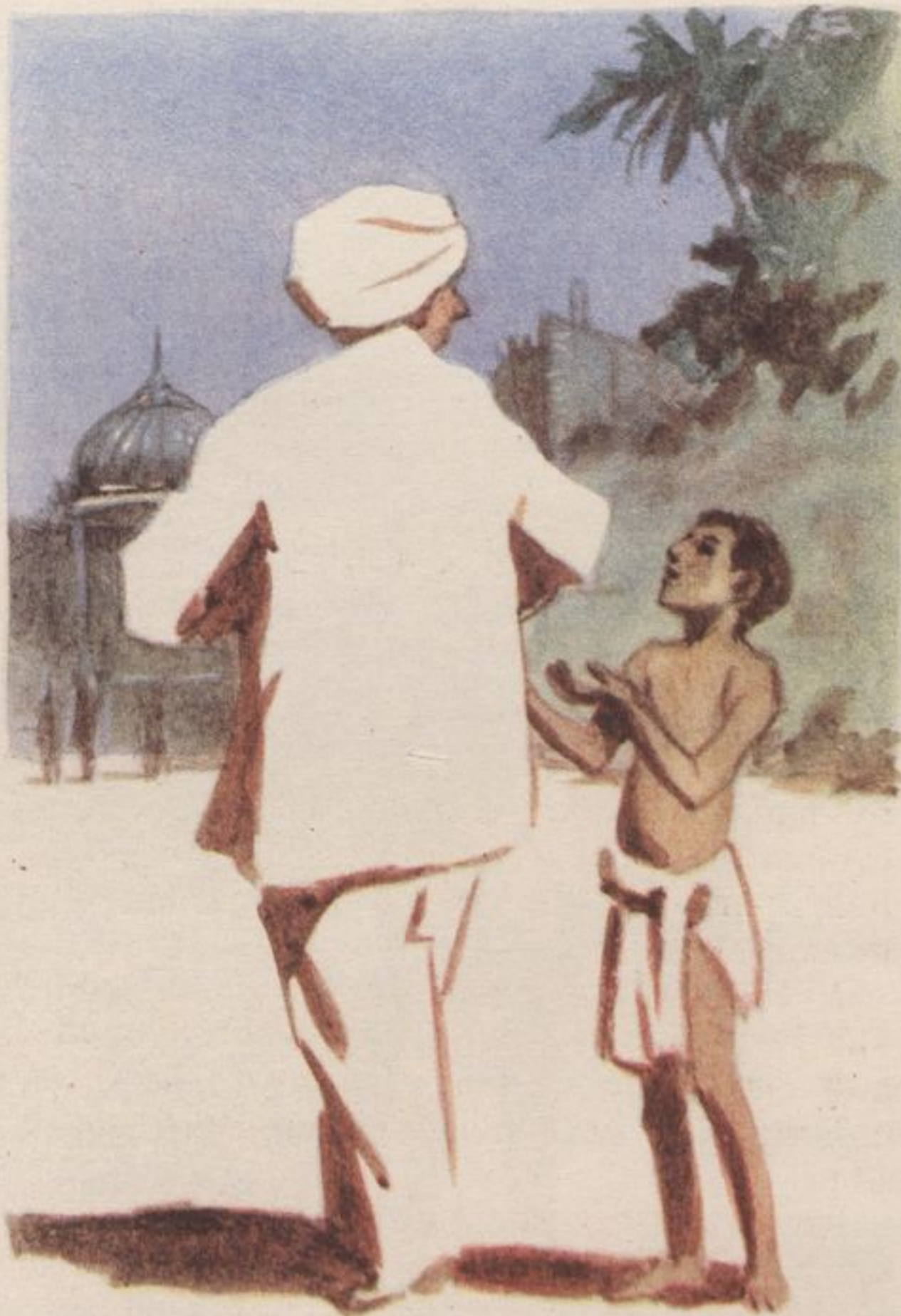
Кришан обернулся. Перед ним стоял невысокий, но крепкий, широкоплечий и, видно, очень сильный человек. Он смотрел на Кришана не с жалостью, а с добротой.

— О твоей сестрёнке услышали и прислали ей помощь, — сказал человек. — И этим людям, которые лежат на тротуаре, тоже прислали помощь. Только они ещё не знают об этом.

— Кто услышал о нашей Лайли?

— Её братья и сёстры.

— Вы шутите, — упавшим голосом сказал Кришан. — Нас только двое у мамы: Лайли и я.

Человек нахмурился, будто слова мальчика рассердили его.

— Сейчас страшное время — голод. И я давно разучился шутить. Посмотри на мои руки...

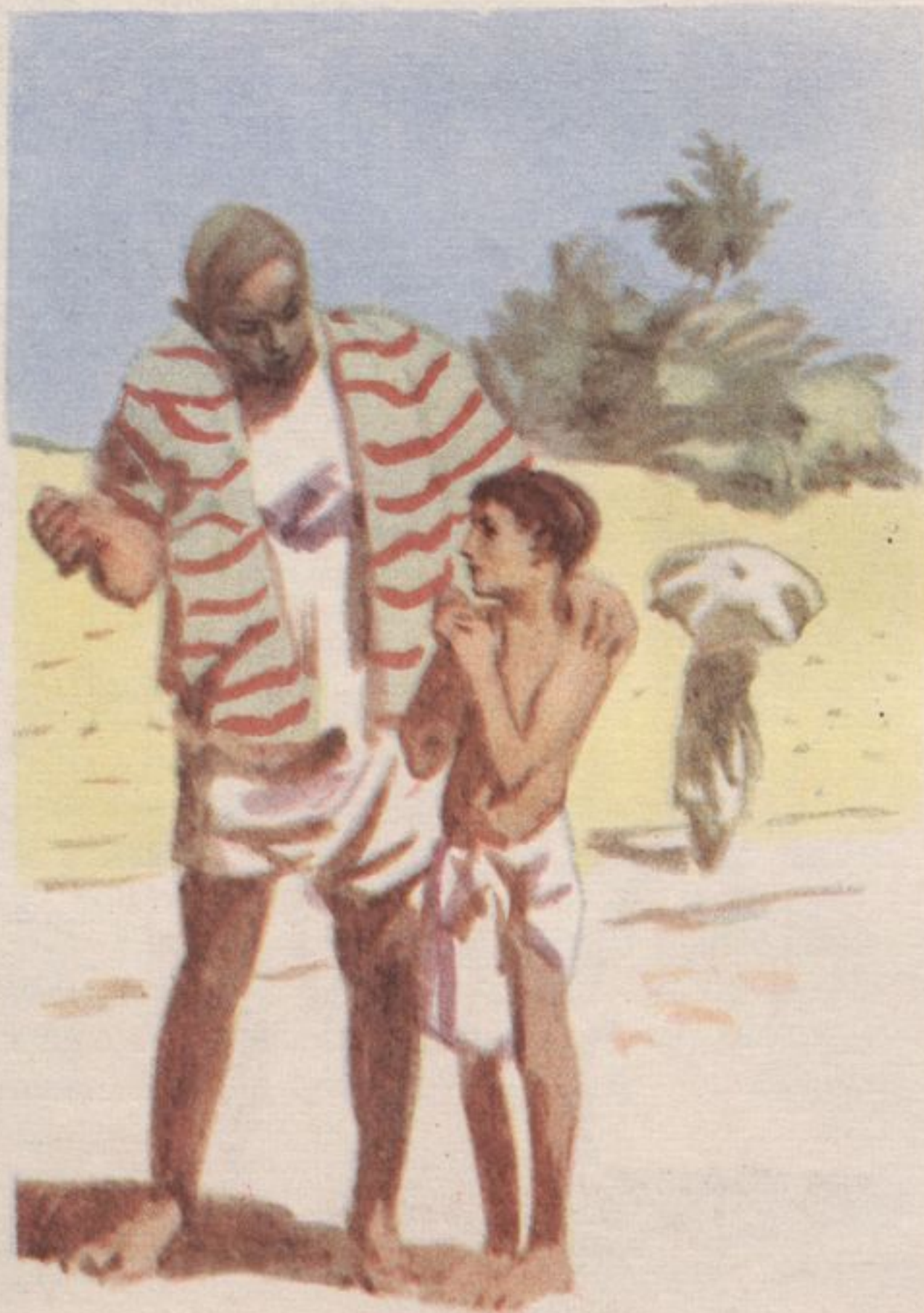
Кришан увидел большие ладони, все исполосованные глубокими морщинами, густо покрытые затвердевшими мозолями.

— Я грузчик, — сказал незнакомец. — Все зовут меня Мазбут. Это значит — сильный. Я привык таскать самые тяжёлые грузы в порту. Но сегодня моим рукам было легко. Сегодня в порту я носил мешки, в которых было здоровье твоей сестры и жизнь многих ребят.

Глаза Мазбута снова стали приветливыми.

— Ты получишь сегодня лекарство. И молоко получишь. Только дождись вечера.

Кришан огляделся кругом, поглубже вздохнул и только сейчас заметил, что Мадрас очень красивый город. Только сейчас услышал он тихий, вкрадчивый ше-

лест листьев в саду за причудливой чугунной оградой и увидел вдаль, между домами, кусочек моря, такого спокойного и неподвижного, будто оно было нарисовано на бумаге.

...Душный вечер застыл над Мадрасом. Море было так же безмолвно, как днём, — ни шелеста, ни ветерка. И только голоса на улице звучали радостней, чем днём, и впервые за много месяцев слышался смех.

Кришан осторожно ступал по ещё не остывшим булыжникам набережной. В руках он бережно держал пакет, в котором было драгоценное лекарство для Лайли, и хлеб, и банки со сгущённым молоком. Чуть сзади шёл Мазбут.

— Кто же прислал нам всё это? Вы обещали показать, — тихо сказал Кришан.

— А вот смотри! — Мазбут остановил мальчика и показал на огромный пароход, стоявший в порту.

— Как он называется? — спросил мальчик.

— «Ка-ра-ган-да», — медленно произнёс Мазбут. — Это имя советского города. Оттуда, из Советской страны, наши братья и сёстры прислали нам самое нужное — хлеб. А лекарство и молоко дали мне советские моряки... Я рассказал им о твоей Лайли.

Из круглых окон корабля на воду падали мягкие светлые полосы. Кришан слегка прикрыл глаза, и ему показалось, будто он видит огни большого советского города — добрые и тёплые огни...

* * *

Индийский мальчик Кришан поёт свою песенку:

Немного ещё подрасту я —
И вдаль по дорогам пойду:
Свой низкий поклон отнесу я
В Караганду, в Караганду...

Маленькая бледная девочка удивленно смотрит на брата.

— Караганда — это город в Советской стране. Запомни, Лайли.

— Это далёкий город, да? — спрашивает девочка.

— Нет, близкий! — отвечает Кришан. И прижимает руки к сердцу.

КУРЫ И КИНО

МАРИЯ МАЙЕРОВА

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Мария Майерова — чешская писательница-коммунистка. Родилась она недалеко от Праги — столицы Чехословацкой республики. Выросла Мария Майерова в семье рабочего-сталевара, потому ей так хорошо знакома жизнь простых людей Чехии.

«Наша Мария» — называют Майерову горняки города Кладно. Одной из своих шахт они дали имя любимой писательницы.

Мария Майерова пишет рассказы и для детей. Один из её рассказов, «Куры и кино», мы печатаем в этом номере журнала. Это рассказ о том времени, когда Чехословакия ещё не была народно-демократической республикой.

Фердик не может дождаться конца занятий и бежит к школе встретить сестру Миладку.

Но сегодня — удивительное дело! — прозвенел звонок, а никто из школьников не покидает классов. И, видно, там, внутри, происходит что-то необычное, потому что вся школа гудит, словно растревоженный улей.

Вдруг из открытого настежь окна Фердик слышит голос учителя:

— Сегодня к нам в деревню приедет кино. Когда стемнеет, в сарае у старосты будут показывать картину... Все дети, если будут вести себя хорошо, смогут пойти. Сбор назначается возле школы...

Фердик чуть не прыгает от радости. Наконец-то и он посмотрит кино! А уж вести себя он постарается как следует, чтобы учитель взял его вместе со всеми школьниками.

Едва учитель кончил говорить, раздался

топот детских ног, и школьники высыпали из школы, словно маковинки из созревшей головки мака.

По дороге к дому Миладка выкладывает братишке всё.

— Понимаешь, какое это будет кино! Там всё, как живое: лошади будут скакать, овечки щипать траву... Мы увидим море, автомобили и даже нашу Прагу...

— Настоящую Прагу? — переспрашивает Фердик.

— Настоящую Прагу, провалиться мне на этом самом месте! — восклицает Миладка. — Дети платят за билет только по двадцать геллеров. Так сказал учитель...

— По двадцать геллеров?! А где же мы возьмем два раза по двадцать геллеров, Миладка?

Да, об этом Миладка не подумала, хотя она отлично знает, что дома денег никогда не бывает. Мать батрачит в соседнем

имении, и хотя она работает от зари до зари, помещик даёт ей за работу только продукты: капусту, картофель, хлеб. И лишь один раз в год, да и то зимой, она получает немного денег.

— Не знаю, — нерешительно произносит Миладка. — А может быть, у мамы найдётся два раза по двадцать геллеров?

Возможно, что у мамы нашлось бы. Но вот в чём загвоздка: мама вернётся с работы поздно вечером, к тому времени кино давным-давно окончится.

— Знаешь, Миладка, — вдруг придумывает Фердик. — Давай поглядим у мамы в чулане. Ведь нам хватило бы двух яиц, чтобы купить два билета в кино?

— Конечно, хватило бы! Кажется, яйцо стоит двадцать геллеров...

— Значит, мы можем их продать и купить два билета! — радуется Фердик.

Ему так хочется, так хочется пойти в кино и увидеть картину!

Сказано — сделано! Дети бегут в чулан.

Но увы! Чулан крепко-накрепко заперт. А через оконце не пролезть. Зачем только делают в чуланах такие узкие окошки?

Фердик садится на крыльцо. Время летит необыкновенно быстро, а ждать умного совета неоткуда.

Вон по двору бродят куры. Копошатся в песке. Что-то копают. Кудахчут...

Если бы та, пёстрая, снесла одно яичко, Фердик мог бы попасть в кино. А если постаралась бы и та белая, хватило бы на билет и Миладке. И вдруг счастливая мысль осеняет Фердика.

— Миладка! Миладка! — кричит он. — Помоги скорее загнать кур... Послушай, что я придумал!

Теперь вся надежда на кур. Миладка и Фердик носятся по двору, загоня испуганных кур, но куры, как назло, не хотят в курятник. Да и кому охота сидеть взаперти в такой хороший летний день!

Но вот куры в курятнике, а Миладка и Фердик, еле живые, сидят на крыльце.

— Всё-таки я думаю, какая-нибудь снесёт, — говорит Фердик.

— И я думаю, — говорит Миладка.

— Ты посиди с ними, а я сбегаю, посмотрю, что делается у школы.

Миладка покорно идёт в курятник, а Фердик со всех ног мчится на пригорок, с которого видна школа.

А солнце понемногу спускается вниз, и тени становятся гуще и длиннее.

Будто на крыльях, Фердик взлетает на пригорок. Школа — как на ладони, а около школьных дверей пусто, никого. Вот хорошо! Значит, куры ещё успеют...

Фердик сбегает с пригорка и кричит что есть силы:

— Миладка, снесли?

Из курятника чуть доносится:

— Ещё не-е-ет...

Фердик снова бежит на пригорок. Ох! Школьники уже начинают собираться.

У Фердика замирает сердце. Он торопливо бежит к дому и кричит сестре:

— Миладка, снесли?

Дверь курятника открывается, просовывается Миладка, вся в перьях, вся всклокоченная:

— Ещё не-е-ет!

Фердик снова на пригорке. А школьники уж становятся в пары. Сейчас они все пойдут к сараю старосты.

Вечерний сумрак окутывает дома, сады и счастливых детей, — у каждого из них есть по двадцать геллеров, чтобы купить билет.

Последний раз сбегает Фердик с пригорка и последний раз кричит голосом, полным горя и отчаяния:

— Миладка, всё ещё не снесли?

И Миладка, вылезая из курятника, печально отвечает:

— Всё ещё нет...

Тогда Фердик бежит к сараю старосты, куда только что вошли школьники с учителем. Может быть, через щёлку в стене ему удастся посмотреть. Ведь ему так хочется хоть раз в жизни увидеть кино!

Но и тут его ждёт неудача. У сарая стоит полицейский.

— Иди-ка, иди-ка отсюда, мальчик! — говорит он и прогоняет Фердика прочь.

Домой Фердик идёт медленно-медленно. Дорога ему кажется длинной и трудной.

«Когда я вырасту большой, — думает он, глотая слёзы, — я буду всех детей пускать в кино, пусть смотрят, сколько хотят...»

Вернувшись с работы домой, мать застаёт детей спящими. Только у Миладки волосы почему-то в перьях, а на щеках Фердика ещё не просохли следы горьких слёз. Но кулачки его крепко сжаты...

Сокращённый перевод с чешского
Л. Зориной и С. Могилевской

БРИГ „ТОВАРИЩ“

А. НЕКРАСОВ

Рис. В. БИБИКОВА

ного разных кораблей плавают по морям и океанам. Во все концы света везут пассажиров красавцы теплоходы. Спешат из порта в порт торговые пароходы с богатым грузом. Выходят в море грозные пловучие крепости — боевые корабли. Снуют вдоль берегов нарядные прогулочные катера... А вот таких кораблей, как этот, почти не осталось на морях. Редко-редко встретишь теперь на морских дорогах парусник с высоченными мачтами, с горой белых прямых парусов.

А было время — только такие корабли и ходили по морям. Лет полтора назад на парусных кораблях и грузы возили, и пассажиров, и в бой шли под парусами. Но с тех пор, как придумали люди паровую машину да поставили её на корабль, всё реже и реже стали строить большие парусники.

На паруснике машины нет. Гуляет ветер над морем, наполняет паруса и гонит корабль. Ветер — могучий работник, да только уж очень капризный. Спешит корабль в порт. Совсем уже немного итти осталось, а ветер вдруг затих. Обвисли паруса, встал корабль среди моря. День стоит, другой, третий... А ветра всё нет — «полный штиль», как говорят моряки. Наконец-то взялся ветер за дело: потянул, разыгрался, задул... да не с той стороны. Корабль на восток торопится, а ветер на запад дует. Тут либо якорь бросать и ждать, пока переменится ветер, либо хитрить: в обход итти. Прямо против ветра не пойдёшь.

С машиной спокойнее и вернее: и народу меньше нужно, и штиль не страшен, и встречный ветер не мешает.

Вот поэтому и отказались на море от помощи ветра, вот поэтому и перестали строить большие парусные корабли.

Но есть и в наши дни одно дело на море, в котором трудно обойтись без парусов. Дело это — ученье. Как бы хорошо ни учился будущий морской командир, настоящий моряк из него не получится до тех пор, пока не поплавает он на парусном корабле.

Бури и волны, туманы и течения на каждом шагу подстерегают моряка, на паруснике сбивают с пути, путают расчёты.

И тут моряк не зевай: всё время следи, примечай. Каждую секунду будь начеку, готовься сразиться с ветром и победить его.

Чтобы вырастить настоящих морских командиров, и построен этот большой парусный корабль. Называется он — бриг «ТОВАРИЩ».

Каждый год приходят на «Товарищ» молодые моряки — будущие командиры флота. Каждый год отправляются они в далёкие походы, несут трудные вахты в штиль и в бурю, в жарких и в холодных краях.

Нелегко служить на парусном корабле, но зато как интересно! А когда моряк отслужит свой срок под парусами и пойдёт на другой корабль, под каким бы флагом ему ни пришлось плавать: под торговым или под военным, — везде он будет бывалым моряком, знающим, смелым, всегда готовым на подвиг.

PILOTER

ВОРОБЕЙ И ЛИСА

Болгарская народная сказка

Рис. Е. РАЧЁВА

было время, когда воробей и лиса жили дружно и помогали друг другу, как добрые соседи. Но хитрая лиса всё время думала, как бы обмануть воробья.

Однажды она предложила:

— Воробушек-дружок, давай посеём пшеницу! Вместе поработаем, а когда об-

молотим, разделим поровну и славно зиму проживём.

Согласился воробей, и пошли они с лисой на поле пшеницу сеять. Но работать лисе не хотелось: ленива была кумушка. Вот и надумала она, как схитрить.

— Воробушек-дружок, — говорит она воробью, — ты тут работай, а я пойду небо поддерживать, а то как бы не упало да не примяло нашу пшеницу.

Ушла обманщица лиса, села на край поля и просидела там целый день. А воробей посеял пшеницу.

Пришло время жать. Опять лиса говорит:

— Воробушек-дружок, ты жни, а я пойду поддерживать облака, а то как бы дождь не пошёл да не вымочил нашу высокую пшеницу.

В это время действительно проплывало над полем облако. Лисица встала на задние лапы и сделала вид, будто облако поддерживает, а сама про себя смеётся, глядя, как воробей трудится.

Пришло время молотить. Лиса снова говорит:

— Воробушек-дружок, ты работай, а я пойду встречать ветер, а то как бы не налетел да не развеял нашу золотистую пшеницу.

Так и просидела лиса весь день на краю поля, на солнышке грелась, а воробей тем временем обмолотил всю пшеницу.

Наконец пришло время делить урожай. Воробей спросил лису:

— Кума-лиса, а как мы будем делить?

— Тебе одно зёрнышко, а мне — девять.

Как сказала, так и разделила: воробью одну долю, а себе — девять. Бедный воробушек посеял пшеницу, жал её, молотил, а лиса на поле отдыхала, но забрала себе почти весь урожай.

Пошёл воробей пригорюнясь. Навстречу ему собака.

— Что-то ты невесел, воробушек. Кто тебя обидел?

Рассказал воробей про всё собаке: как он пшеницу сеял, а лиса небо поддерживала, как жал пшеницу, а лиса облака стерегла, как молотил, а лиса ветер встречала.

— Ну скажи, чья работа труднее? — спросил воробей.

— Ах ты, глупый, глупый воробей! Ведь лиса-то тебя обманула. Она известная лентяйка и обманщица. Ну, ничего, не горюй. Мы её проучим.

Договорились они обо всём, и воробей полетел обратно к лисе. Подлетает он к ней и кричит:

— Спасайся скорее, лиса! Идёт сюда собака, большущая и злая. Грозится тебя съесть. Беги скорее, а я твою пшеницу постерегу.

Пустилась лиса бежать без оглядки.

А воробей позвал собаку, и забрали они весь урожай. Целую зиму клевал пшеницу

воробей, собака себе всю зиму кашу варила. И гостей они угощали, но всё равно всего съесть не смогли.

А лиса голодная по лесу бегала.

Вот и правду пословица говорит: что посеешь, то и пожнёшь.

Перевод и обработка Н. Шерешевской

СКОРОГОВОРКИ

В. КАПРАЛОВА

Мышонку шепчет мышь:
— Ты всё шуршишь, не спишь!
Мышонок шепчет мыши:
— Шуршать я буду тише...

Лена искала булавку,
А булавка упала под лавку.
Под лавку залезть было лень —
Искала булавку весь день.

Любовалась цыплятами курица:
«Что ни цыплёнок — то умница!
Молодец, удалец,
Очень ценный птенец...»

Ходит ёжик без дорожек,
Не бежит ни от кого.
С головы до ножек
Весь в иголках ёжик.
Как же взять его?..

СЧИТАЛКА

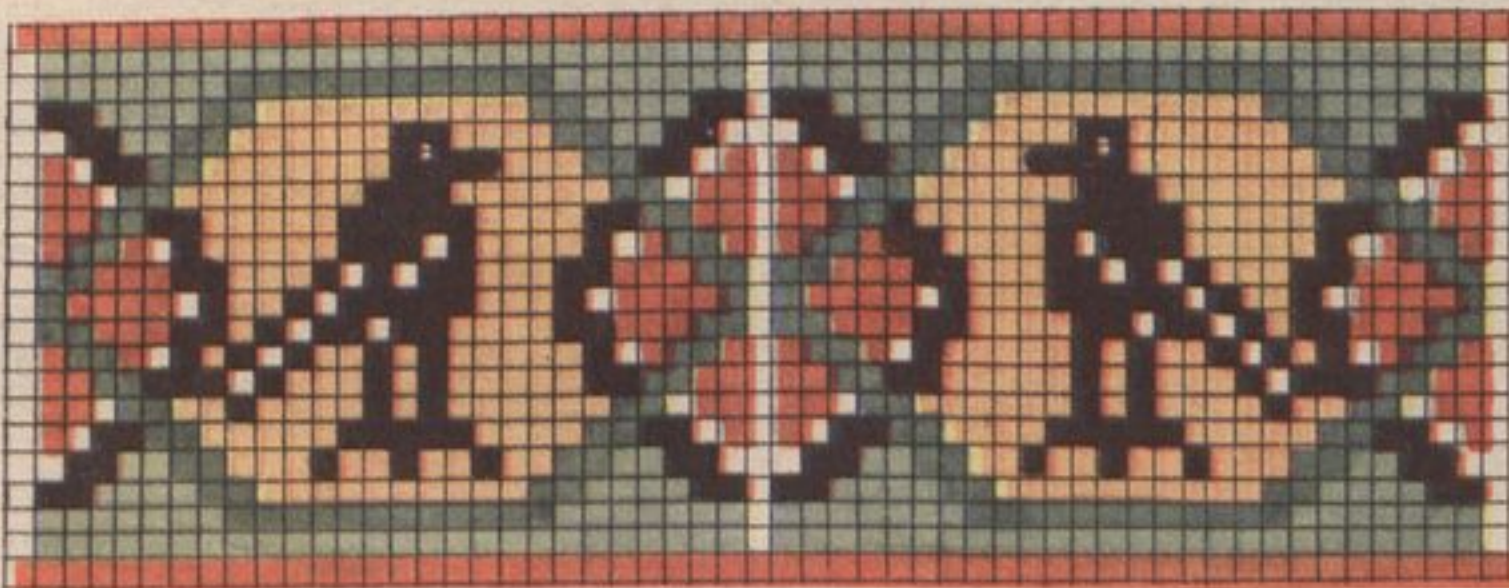
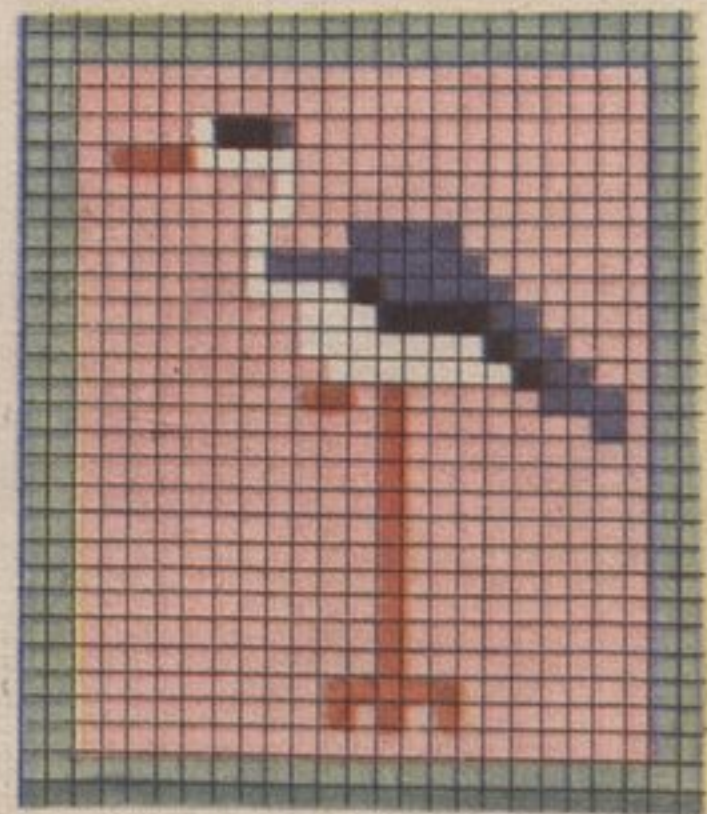
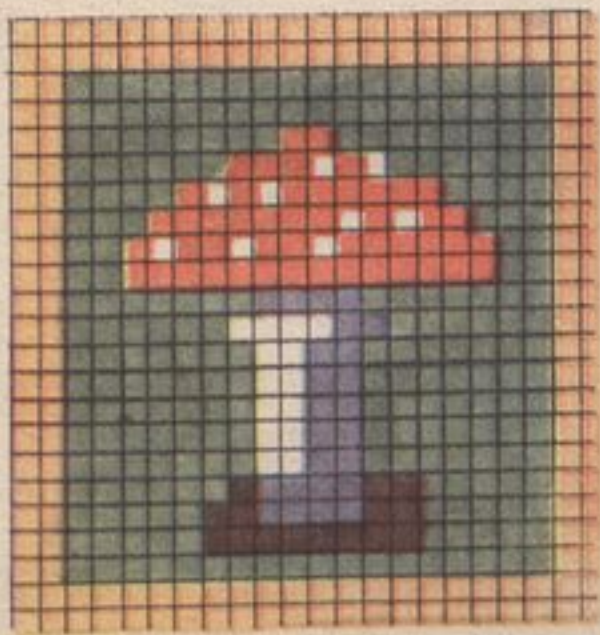
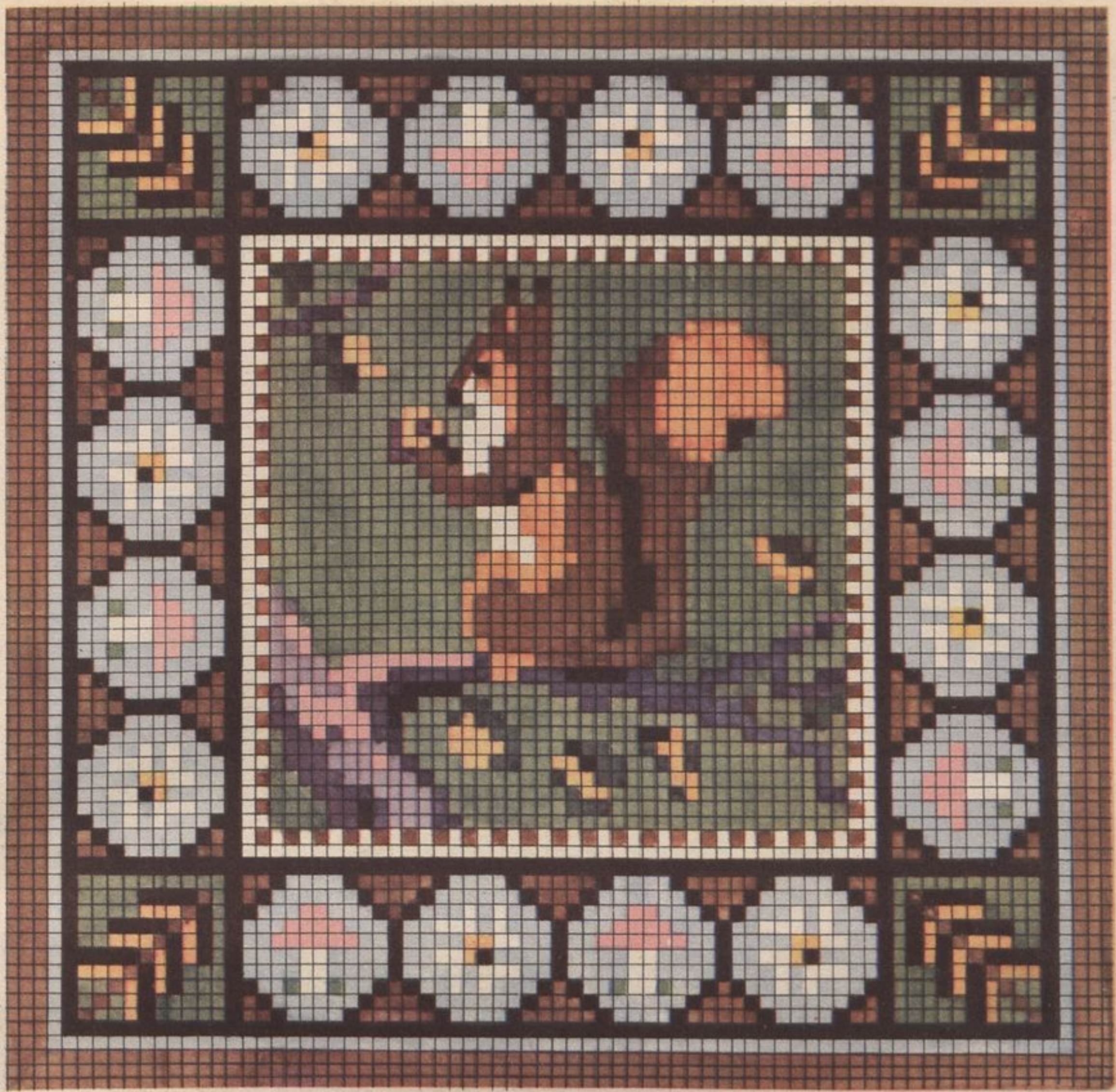
СКОРОГОВОРКА

ЕЛЕНА БЛАГИНИНА

Наша	Две Аринки
Маша	На перинке,
Рано встала,	Две Танюшки
Кукол	На подушке,
Всех	А Петрушка
Пересчитала:	В колпачке
Две Матрёшки	На дубовом
На окошке,	Сундучке!

Возле грядки
Две лопатки.
Возле кадки
Два ведра.
После утренней зарядки
Мы работали на грядке,
И посадки
Все в порядке —
Их теперь полить пора!

РИСУНКИ ДЛЯ ВЫШИВКИ
ДВОЙНЫМ КРЕСТОМ
Рис. А. КОРОВИНОЙ

Ребята! Напишите нам, для какой русской народной сказки нарисована эта картинка.

НА РЕЧНОМ ДНЕ

Рыболов закинул удочку и терпеливо стал ждать клёва. Насторожился, застыл над водой красный поплавок.

К червяку из-под зелени шелковника и водяных ёлочек бросилась маленькая стайка полосатых окуней. Они налетали на червяка, били его носиками, но как ни старались, так и не могли оторвать ни кусочка.

Над берегом растёт старая, раскидистая ива. А в её корнях, которые уходят в речное дно, прячутся от зубастой щуки стайки плотичек. С листьев и веток дерева нет-нет, да и упадёт в воду какая-нибудь муха, стрекоза или жучок. Вот ими тогда и полакомится рыба.

Первой к добыче бросается уклейка. Эту резвую небольшую рыбёшку ещё зовут верхоплавкой. Она постоянно плавает у поверхности воды.

Не схватила уклейка, молнией вылетит голавль — и нет стрекозы.

А круглый карась — плохой пловец. Он предпочитает рыться в иле и кормиться мотылём, красными червячками — личинками комара дергуна. Любит мотыля и широкий лец. Плавать ему трудно, и потому он держится на одних и тех же местах. Другое дело — щука. Она ловит рыбу догоном. И ей надо плавать быстрее всех. Вот почему у неё сильные плавники и тело вытянуто вперёд.

Рыба имеет защитную окраску. Если она живёт в омуте — окраска темнее, а среди травы — светлее. Зеленоватую с тёмными полосами щуку трудно отличить среди кувшинок. Серебристый блеск чешуи

уклейки сливается с блеском поверхности воды. Полосатый окунь почти не виден среди растений и зарослей травы.

Соблазнился, наконец, окунь и схватил червяка. А поплавок запрыгал — и нырнул под воду.

Рыболов дёрнул удочку и вытащил окуня. «Ага, — подумал он, — здесь есть рыба!» — и забросил вторую удочку. Но теперь вместо червяка надел на крючок хлебный шарик.

Скоро и на второй удочке клюнуло. Теперь это была беленькая плотичка.

Вдруг из воды стали испуганно выпрыгивать маленькие рыбки.

«Зубастая охотится, — подумал рыболов. — Теперь скоро клёва не жди!»

А в это время щука, схватив плотичку, снова вернулась под широкие листья лилий. Стоит — не шелохнётся, вроде коряга, а сама зорко следит, не проплывёт ли ещё какая рыбёшка.

— Попробую тебя обмануть, — сказал рыболов, надел на крючок пойманную плотичку и далеко под траву забросил удочку.

Плотичка плавает, а поплавок за ней над водой ходит. Она к траве — поплавок туда же. Только она поплыла к лилиям и блеснула чешуёй, а щука её тут и схватила.

От большого груза утонул поплавок.

Рыболов дёрнул свою удочку и подсёк щуку. Он долго возился с ней, пока вытащил из воды на берег. Щука была большая и старая.

В. СТЕПАНЕНКО

На обложке — рисунок В. Конашевича

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, Е. МАРТЬЯНОВА, Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Художественный редактор О. Камкин

Рукописи не возвращаются

Технический редактор Л. Волкова

Год издания двадцать девятый

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Суцёвская ул., 21.
2,8 уч.-изд. л.

Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06.

А02563

Подп. к печ. 9/VI 1953 г.

Бумага 60×92¹/₂—1,5 бум. л.—3 печ. л.

Тираж 325 000 экз.

Заказ 1076

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Суцёвская, 21.

7800

